

О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ В ОПИСАНИИ И ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ГОВОРОВ

(Обзор работ по русской диалектологии, опубликованных в «Ученых записках»
и «Трудах» институтов и университетов в 1953—1955 гг.)

В послевоенные годы диалектологическая работа в нашей стране получила значительное развитие, что выразилось прежде всего в сборе новых материалов о языковых особенностях русских народных говоров с целью их последующего картографирования в диалектологических атласах. В ряде обобщающих теоретических статей, построенных на новых материалах, удается пересмотреть традиционные точки зрения, основанные на недостаточных сведениях о русских говорах в прошлом¹.

В течение 1953—1955 гг. в различных «Ученых записках» и «Трудах» институтов и университетов нашей страны появилось много статей описательного характера по диалектологии русского языка. Эти работы основаны на материалах послевоенных диалектологических экспедиций и содержат большое количество интересных наблюдений над разными русскими говорами.

Вышедшие в свет за последние годы работы чаще всего посвящены описанию фонетических явлений; в ряде работ имеется описание и фонетики, и морфологии, нередко сопровождаемое замечаниями по синтаксису и лексике, носящими, правда, в большинстве случаев схематический характер. Имеются также работы, специально посвященные синтаксическим явлениям в русских говорах.

Наиболее многочисленной является первая группа работ, среди которых можно указать статьи А. И. Ивановой «Фонетика говоров Слободского района Смоленской области»², В. Д. Бондалетова «Особенности яканья говора дер. Самовольно-Ивановки Алексеевского района Куйбышевской области»³, В. А. Сенкевича «Заметки о говоре Парabelьского района Томской области»⁴, И. С. Делюсиной «Фонетика гласных (говор дер. Галкино, Норского сельсовета, Кинешемского района, Ивановской области)»⁵, М. В. Кривовой «Заметки о говорах Белорецкого района Башкирской АССР»⁶, С. Б. Тошьяна «Говоры русских переселенцев в Армянской ССР (фонетическая система говоров переселенцев-молокан Степанаванского района)»⁷.

Из работ второго типа назовем статьи А. И. Ивановой «О говорах Демидовского района Смоленской области»⁸, В. И. Чагишевой «К изучению курско-орловских говоров. (Наблюдения над говорами Суземского района, Брянской области)»⁹, В. И. Собиинниковой «Говор села Петина Гремячского района Воронежской области»¹⁰.

Наконец, к работам третьей группы относятся статьи В. И. Собиинниковой «Повторение предлога в говорах Гремячского района Воронежской области»¹¹ и «Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах (По материалам говоров Гремячского района Воронежской области)»¹², В. В. Палагиной «Синтаксические особенности говора западной части Томского района»¹³, Р. С. Овчинниковой «Синтаксические особенности говора деревни Большой Кугунур Кировской области»¹⁴.

В силу определенных особенностей развития науки о русских диалектах, а также в зависимости от характера диалектных различий русского языка наиболее разработанными являются фонетика и морфология. Здесь, с одной стороны, достаточно определились основные принципы исследования и описания материала, и, с другой сто-

¹ См., например: Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2; е го ж е, Лингвистическая география и история русского языка, ВЯ, 1952, № 6; Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова, Вопросы изучения диалектов языков народов СССР, ВЯ, 1953, № 5; Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4; В. Г. Орлова, Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных, ВЯ, 1955, № 6 и др.

² «Ученые записки Смоленск. гос. пед. ин-та», вып. 2, 1953.

³ «Ученые записки Пенз. гос. пед. ин-та им. В. Г. Белинского», вып. 1, 1953.

⁴ «Ученые записки [Томск. гос. ун-та им. В. В. Куйбышева]», № 19, 1954.

⁵ «Ученые записки Иванов. гос. пед. ин-та», т. VI, 1954.

⁶ «Ученые записки Магнитогор. гос. пед. ин-та», вып. 3, 1955.

⁷ «Ученые записки Ереван. гос. русск. пед. ин-та им. А. А. Жданова», т. IV, 1955.

⁸ «Ученые записки Смоленск. гос. пед. ин-та», вып. 2, 1953.

⁹ «Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 92, 1954.

¹⁰ «Труды Воронеж. гос. ун-та», т. 25, 1, 1954.

¹¹ Там же, т. 29, Харьков, 1954.

¹² Там же, т. 38, 1955.

¹³ «Ученые записки [Томск. гос. ун-та им. В. В. Куйбышева]», № 19, 1954.

¹⁴ Там же.

роны, наметились наиболее типичные ошибки, связанные с построением всех описаний по единому шаблону.

Поэтому в дальнейшем обзоре мы остановимся только на диалектологических работах первых двух групп из числа намеченных выше, не затрагивая совершенно работ, посвященных описанию синтаксических явлений.

В описаниях фонетического и морфологического строя говоров авторы ставят перед собой чаще всего одни и те же задачи, формулировка которых дается наиболее отчетливо, пожалуй, в статье В. И. Собинниковой о говоре с. Петина: эти задачи заключаются в том, чтобы выделить в говоре местные особенности речи, показать их подчиненный характер по отношению к общенациональным нормам языка и представить говор в его развитии (стр. 72) ¹. В целом подобное определение задач исследования и описания фонетики и морфологии говоров, при всей его подробности, едва ли все же можно признать достаточным. Если в работе описывается целый ряд фонетических явлений или морфологических особенностей, то она тем самым приближается к монографическому описанию, которое должно полностью охватывать систему взаимосвязанных явлений хотя бы одной из сторон языковой структуры местного говора. Именно такое описание взаимообусловленных явлений языковой структуры, описание системы диалекта и надо считать основной задачей работ рецензируемого типа. К сожалению, рассматриваемые работы чаще всего почти не дают представления о системе говора в целом.

При описании фонетики в этих статьях большей частью лишь приводятся отдельные факты (причем нередко и очень интересные), устанавливаются типичные для говоров изменения звуков и так или иначе истолковываются причины появления этих изменений. Ср. в работе И. С. Делюсиной ² подробное описание гласных звуков изучаемого говора, рассмотренных во всех существенных фонетических позициях. Привлечение фактов, характеризующих речь не только старшего поколения — носителей традиционного говора, но и речь молодежи, помогает уяснить те процессы, которые происходят в изучаемых говорах в наши дни.

Определенный интерес представляют наблюдения В. А. Сенкевича над вокализмом 1-го и 2-го предударных слогов в изученных им говорах, где распространено диссимилятивное аканье, но где в то же время выделяются две «малеры говорения». Одна — при которой в первом предударном слоге произносится *a*, менее открытое по образованию, а во втором — широкое открытое с большей долготой, что создает впечатление напевности произношения, — другая — при которой и в первом, и во втором предударных слогах *a* звучит приблизительно одинаково, что наминает скандирование слогов. Автор указывает, что первый тип — более архаичен, а второй появляется под влиянием литературного языка; именно он и представляет переход к литературному произношению с редукцией гласных во 2 предударном слоге (стр. 63—64).

В. И. Собинникова устанавливает при анализе произношения гласных систему яканья, переходного от диссимилятивного щигровского типа к ассимилятивно-диссимилятивному. Автор стремится осмыслить явления первого предударного слога после мягких согласных и объяснить все отклонения в произношении гласных в этом положении, исходя из общих тенденций развития системы вокализма в изучаемом говоре (стр. 74—76).

В статье В. Д. Бондалетова об особенностях яканья в говоре одной из деревень Куйбышевской области рассматривается сложная разновидность ассимилятивно-диссимилятивного яканья, образовавшаяся в результате переплетения закономерностей фонетического и морфологического характера. При наличии ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского типа в говоре наблюдаются определенные отступления от него, которые и являются объектом исследования. Статья привлекает внимание наличием в ней большого материала, в целом точным лингвистическим описанием и стремлением показать факты в их взаимосвязанности и обусловленности.

Вместе с тем в указанных работах можно отметить некоторые характерные недостатки. Один из этих недостатков связан с тем, что авторы пользуются при описании преимущественно лишь фактами, собранными по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», хотя эта программа построена главным образом в соответствии с задачей составления атласа, а не с задачами, стоящими перед диалектологическими работами описательного характера, указанными выше.

Весьма существен и другой недостаток, сказывающийся, например, в описаниях гласных звуков. Подробное, расчлененное описание произношения гласных звуков не

¹ Здесь и далее в скобках указываются страницы в соответствующем выпуске или томе «Ученых записок» и «Трудов», где опубликована данная работа.

² Название как этой работы, так и других дано выше. В дальнейшем заглавие той или иной статьи будет приводиться лишь в случае необходимости, например тогда, когда данному автору принадлежит не одна, а несколько из рассматриваемых работ.

сопровождается в рецензируемых работах сопоставлением фактов и выявлением связей между ними, т. е. не заключается установлением системы фонем данного говора. Не установив же системы фонем, нельзя, конечно, правильно представить себе и характерные особенности того или иного диалекта по сравнению с другими диалектами и литературным языком. Наличие некоторых спорных положений в вопросах теории фонем не должно приводить к отказу от ее использования в диалектологических исследованиях.

В рецензируемых работах, правда, можно встретить неоднократно повторяющиеся формулировки, которые с первого взгляда как будто бы характеризуют систему гласных фонем говоров. Рассмотрим некоторые из этих формулировок. Так, С. Б. Тошьян указывает, что «в изучаемых говорах, как и в русском литературном языке, шесть ударяемых гласных: *и, е, а, о, у, ы*, которые различаются лишь в подударном положении» (стр. 230—231). Подобная формулировка вызывает недоуменные вопросы. Почему в русском литературном языке «шесть ударяемых гласных»? И почему они «различаются лишь в подударном положении»? Если говорить о звуках под ударением, то их, конечно, в русском языке больше, чем 6 (ср. *мат, м'ат, м'ат'* и т. д.); точно так же если речь идет просто о различении звуков, то оно есть и в безударных слогах (ср. *сырбк, сырбк, санбк*). Поэтому точнее следовало бы говорить о наличии под ударением 5 или 6 гласных фонем в литературном языке, которые выступают в своем основном виде (в фонетически наименее обусловленном положении) или в своих разновидностях (в иных положениях); и также вернее было бы говорить о том, что в безударных слогах в литературном языке и в акающих говорах различается меньшее количество гласных фонем, чем под ударением, но что они все-таки различаются и играют фонематическую роль.

А. И. Иванова пишет, что «в демидовских говорах состав ударяемых гласных имеет общерусский характер» (стр. 87). Эта формулировка оставляет вопрос неясным по существу. Что понимается под «общерусским» — только состав фонем литературного языка или то, что свойственно всем его разновидностям? На эти вопросы автор не отвечает, хотя известно, что ряд русских диалектов и ныне имеет своеобразный состав гласных фонем, в частности, благодаря наличию в них *е* и *б* (или дифтонгов).

Подчеркиваем при этом, что дальшие обихих указаний на соответствие состава гласных фонем говора составу гласных фонем литературного языка в рецензируемых работах дело не идет. А ведь необходимо было поставить вопрос о степени распространенности и употребительности каждой отдельной фонемы в данном говоре по сравнению с иными диалектами и литературным языком. При полном совпадении состава ударяемых гласных фонем говора и литературного языка степень употребительности отдельных фонем может быть различной, что связано с наличием или отсутствием перехода *е* в *о* и с изменением или отсутствием изменения *а* в *е*, а также с судьбой звука *з* в разных фонетических позициях под ударением (ср., например, факты перехода *а* в *е* в говорах, описываемых С. Б. Тошьяном, В. А. Сенкевичем, А. И. Ивановой, явление отсутствия перехода *е* в *о* в говорах Демидовского района Смоленской области и Суземского района Брянской области и т. п.).

В. И. Собинникова, отметив, что система ударенных гласных фонем говора совпала с системой гласных фонем литературного языка, замечает: «Это не случайно. Звуковые особенности говора говорят (стиль! — *Вал. И.*) о южнорусской основе его. Система же гласных литературного языка базируется на южнорусской основе» (стр. 79). Между тем система ударенных гласных фонем литературного языка в такой же мере южновеликорусская, как и северновеликорусская: в том и другом наречии преобладают говоры, в которых состав и соотношение гласных фонем в указанном положении будут такими же, что и в литературном языке.

Переходя к описанию безударного вокализма, авторы рецензируемых работ вообще как бы забывают о том, что и здесь выступают звуки, которые играют разную фонематическую роль и находятся в определенных и закономерных отношениях как между собой, так и с системой фонем под ударением. Поэтому если, например, И. С. Делюшина пишет (стр. 58), что в изучаемом ею говоре, кроме 6 гласных фонем, существует еще и звук *ъ*, промежуточный между *а* и *ы* (он произносится, как утверждает автор, на месте *а* во втором предударном слоге), то совершенно естественно возникает вопрос о фонематическом значении этого звука, которое в работе не выясняется. В работе В. И. Чагисевой слово «фонема» встречается только в заголовках (ср. «Гласные фонемы в заударных слогах», стр. 163), в самом же изложении фактов речь идет о звуках, отношении которых друг к другу и место в системе фонем данного говора остается неизвестным.

При описании системы согласных фонем большинство авторов также идет путем комментирования лишь тех явлений, которые предусмотрены в упомянутой выше «Программе». Так, например, С. Б. Тошьян останавливается в своей работе только на характеристике отдельных фактов в области согласных (произношение *г*, качество пиящих *ш, ж* и *ш', ж'*, различие *ц* и *ч'*, соотношения *ф — хв, х; в — ф; р — р'* и смягчение согласных в разных фонетических позициях). Точно так же поступают

В. А. Сенкевич, М. В. Кривова и А. И. Иванова. Авторы, таким образом, и здесь забывают, что понять особенности говоров можно лишь в том случае, если будут представлены закономерные отношения между звуками, т. е. если будет показана система согласных фонем диалекта. Было бы, например, интересно установить, в каком отношении к согласным фонемам говора, описанного В. А. Сенкевичем, стоит аффриката $\widehat{d'ж'}$, отмеченная автором в таких словах, как $\widehat{пѣн'д'ж'а}$ (разновидность заболоченной местности), $\widehat{пыѣжа}$ (разновидность снежного покрова), $\widehat{под'ж'а}$ (особое металлическое сито), $\widehat{Кал'д'ж'а}$ (приток Оби) (стр. 74—75).

Правда, среди рецензируемых работ есть и такие, в которых делаются определенные попытки описать систему согласных фонем того или иного говора. Так, А. И. Иванова в статье о говорах Слободского района Смоленской области указывает на наличие в их системе 26 парных по твердости-мягкости фонем. Однако в дальнейшем изложении автора интересуют опять-таки лишь диалектные особенности консонантизма: изменение $a \rightarrow \bar{y}$ и $\bar{a} \rightarrow \bar{y}$, произношение m' и d' как $m'e'$ и $d'z'$ и т. д. К анализу системы согласных фонем он более не возвращается.

Известно, что система согласных фонем как русского литературного языка, так и местных говоров характеризуется наличием двух рядов: ряда согласных, парных по твердости-мягкости и ряда согласных, парных по глухости-звонкости, при существовании одиночных фонем как по признаку твердости-мягкости, так и по признаку глухости-звонкости. Но А. И. Иванова почему-то забыла о втором ряде, в результате чего оказалось, что система фонем охарактеризована не полностью. Да и в описании системы твердых-мягких согласных в работе А. И. Ивановой остаются неясные моменты: фонемы k, g, x автор считает такими же парными по твердости-мягкости, как, скажем, m, d, c, z ; неясно, существуют ли в говоре одиночные мягкие фонемы, например $\bar{ш'}$, $\bar{ж'}$, j , ибо в характеристике состава согласных фонем, имеющейся в работе, о наличии этих звуков в говоре ничего не сказано, хотя далее в работе о них можно найти некоторые сведения (стр. 133).

Аналогичные замечания можно сделать и по работе В. И. Собинниковой, где имеется общий перечень твердых-мягких согласных фонем, но почему-то отсутствуют $\gamma, \bar{ш}, \bar{ж}, \bar{ш}, \bar{ж}$, хотя о том, что они есть в говоре, можно узнать при дальнейшем чтении работы. Последующее же изложение построено на рассмотрении отдельных явлений в области произношения согласных ($\gamma, \bar{u} \rightarrow \bar{u'}$, отсутствие ϕ и оглушение $\bar{v} \rightarrow \bar{f}$, качество $\bar{ш}$ и $\bar{ж}$ и т. д.). Поэтому трудно согласиться и с заключением автора о том, что «в целом звуковая система говора говорит (опять стиль! — Вал. II.) о подчиненности ее общенациональным нормам, выраженным наиболее полно в литературном языке» (стр. 82—83). Этот тезис в работе не доказывается, так как в описании имеются данные лишь о составе, а не о системе согласных фонем.

Наиболее отчетливо недостатки в описании системы согласных проявились в работе В. И. Чагишевой, которая пишет: «Состав согласных фонем в говорах Суземского района тот же, что и в литературном русском языке. Отличие касается некоторых частных, придающих описываемому говору своеобразную диалектную окраску» (стр. 166). Но так как общий состав согласных фонем в работе не описан, то читателю предоставлено право восстановить эту систему самому. Что же касается «частностей», которые автор считает нужным описать, то к ним, как видно, надо отнести такие факты, как наличие γ , оглушающегося в x (т. е. существование в системе согласных говора парных по глухости-звонкости фонем $\gamma \rightarrow x$ при непарном k), отсутствие фонемы ϕ (т. е. тем самым отсутствие парных отношений $\bar{v} \rightarrow \bar{f}$, $\bar{v}' \rightarrow \bar{f}'$), наличие перехода $\bar{v}$ в $\bar{u}$ и отсутствие противопоставления губных по твердости-мягкости на конце слова (в говоре в этом положении произносятся только твердые губные). Если сравнить все это с фактами русского литературного языка, то окажется, что описываемые говоры отличаются не только по составу фонем (ср. хотя бы отсутствие ϕ, ϕ' , наличие γ), но и по их системе, ибо соотношения между фонемами в говоре в ряде случаев принципиально иные по сравнению с литературным языком.

Рецензируемые работы имеют ряд существенных недостатков и в лингвистической интерпретации самих языковых фактов. Особенно ярко это выражается в неразграничении явлений собственно фонетических и явлений в той или иной степени лексикализованных или морфологизованных. Например, в статье В. А. Сенкевича читаем: в области гласных под ударением «отклонение от литературной нормы наблюдается только в $\bar{p}$ и $\bar{z}$ и $\bar{o}$ и $\bar{ш}$ и $\bar{и}$ (разрядка моя. — Вал. II.) гласных переднего ряда 'а (вероятно, точнее $\bar{a}$. — Вал. II.) и $\bar{u}$, которые в очень небольшой группе слов совпадают по качеству с $\bar{e}$ » (стр. 63). Примеры: $\bar{завар'ела}$, $\bar{бат'енач'к'и}$, $\bar{ап'ет'}$, $\bar{ва'ет'}$, $\bar{n'ет'}$, $\bar{гр'ес'}$, $\bar{зач'ела'и}$, $\bar{пасту'ч'ела'и}$. Автор совершенно неправомерно соединяет здесь две группы явлений, наблюдаемых в разных фонетических условиях: с одной стороны, факты произношения $\bar{e}$, а не $\bar{a}$ под ударением между мягкими; с другой — факты произношения $\bar{e}$ вместо $\bar{u}$ под ударением перед твердыми. Неоднородны рассматриваемые явления и по своему характеру. Необходимо всегда различать, имеем ли мы дело с фонетическим изменением качества звука, или с фактом замены

одного звука другим, когда речь не может идти о чисто фонетическом явлении. Произношение *a* как *e* в определенной фонетической позиции — это изменение качества звука, полностью объяснимое с артикуляционной точки зрения как результат сильного продвижения артикуляции *a* вперед и вверх в положении между мягкими согласными¹. Что же касается замены *a* на *e* (*бат'ёначки*, *явар'ёла*), то это явление едва ли объяснимо фонетическим изменением звуков. В статье В. И. Чагишевой указано, что «этимологическое *a* в корнях и приставках произносится как *o* в следующих словах: *сод'иш*, *сод'им*, *сод'ут*, *брод'иш*, *заплат'им*, *плот'ут*, *зобр'и*...» (стр. 157). Но и в этом случае нет «произношения *a* как *o*», наблюдается появление звука *o*, вместо этимологического *a*, но по фонетическим причинам.

В статье В. А. Сенкевича под одной рубрикой «Замечания о произношении отдельных слов» объединяются такие разнородные примеры, как *аржанá*, *пашенó*, где появление *a* в начале слова и между согласными связано с историей редуцированных в древнерусском языке, и *пал'тб*, где звук *ь* между согласными появляется в результате неправильного усвоения иноязычного слова (стр. 69).

В статье о говорах Демидовского района А. И. Иванова недостаточно ясно освещает вопрос о переходе *e* в *o* в этих говорах. Она указывает лишь, что в положении перед мягкими и отвердевшими согласными это явление в изучаемых диалектах отсутствует, и в то же время совершенно не освещает вопроса о том, наблюдается ли такой переход перед исконно твердыми согласными, и если да, то насколько он последователен? Между тем если перехода нет и перед исконно твердыми согласными, то говоры вообще, повидимому, не знали в своей истории данного явления; если он наблюдается лишь в определенных формах (например, в суффиксах и окончаниях перед твердыми согласными), но не наблюдается в корнях слов, то общая картина меняется; если же, наконец, переход *e* в *o* отмечается в положении перед твердыми, то, следовательно, надо было поставить вопрос о причинах отсутствия этого перехода только в определенных условиях.

При анализе согласных примеры неточной лингвистической интерпретации фактов можно найти при комментировании явлений, связанных с произношением *ц* и *ч*. В статье о говорах Демидовского района А. И. Иванова утверждает наличие в них как цоканья, так и чоканья. Факты, которые она приводит (стр. 90), свидетельствуют о смешении в описываемых говорах звуков *ц* и *ч* (*питацбк*, *цабб* и *чёлый*, *канеч*)². Вместе с тем известно, что цоканье — это неразличение *ц* и *ч* и произношение на месте двух аффрикат одного какого-либо звука — или *ц*, или *ч*. Поэтому факт смешения *ц* и *ч* едва ли можно называть цоканьем: такие говоры лучше считать переходными от цоканья к говорам, различающим аффрикаты *ц* и *ч*³. Как и почему возникло смешение *ц* и *ч* — это уже иной вопрос, который можно решить лишь при углубленном изучении данных диалектов.

В заключение разбора приемов описания фонетических явлений укажем факты небрежности, имеющие место при характеристике частных явлений изучаемых говоров. Так, в статье М. В. Кривовой утверждается, что в говоре с. Верхний Авзян Башкирской АССР в первом предударном слоге после мягких согласных наличествуют одновременно еканье и иканье, доказательством чего служат всего три примера: *умерла*, *весной*, *везут* (стр. 16), совсем не обосновывающие выдвинутое положение. Автор допускает смешение звука и буквы: «Звук *я* произносится в первом предударном слоге как *a* с мягкостью предшествующего согласного» (стр. 48); фактически в данном случае следовало говорить о сохранении звуком *a* своего качества в данном фонетическом положении.

В работах о говорах Слободского района А. И. Иванова ошибочно утверждает, что в слове *л'ёжа* наблюдается оглушение звонкого *г* перед *к* (стр. 134). При правильном объяснении этого явления следовало бы указать на две ступени в его развитии: оглушение *г* в *к* и диссимиляция в группе *кк* > *жк*, т. е. *жк* > *жк* > *жк*. В. И. Собинникова в качестве диалектных форм приводит также *сбьвсьн*, *низвсьн*, на *сбнцу*.

Недочетами такого рода особенно сильно страдает работа С. Б. Тошьяна, написанная вообще крайне неряшливо. Автор утверждает, например, что мягкость *p* в словах типа *вер'х*, *чтв'р'х* объясняется «сохранением прежней мягкости перед утратившимся *ь*» (стр. 255). Известно, что в действительности этого так называемого утратившегося *ь* здесь никогда не было и смягчение *p* в подобных словах объясняется воздействием предшествующего редуцированного переднего ряда. На стр. 235 С. Б. Тошьян пишет, что произношение *x*, а не *a* при умеренном яканье в слове *л'ихб* (а не *л'акб*) объясняется влиянием мягкого *x* в *л'эхче* (!) и переносом этого *x* в *л'ихб*. Такое утверждение граничит с фантастикой и не нуждается в комментариях. На стр. 255—256 автор приписывает русскому языку наличие придыхательных *т* и *к* (*th*, *kh*), ничем по существу не обосновывая это свое «открытие».

¹ См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949, стр. 55—56.

² В говоре *ц* при цоканье твердое, а о качестве *ч* автор ничего не говорит.

³ См. В. Г. Орлова, Цоканье в русских говорах, «Ученые записки МГУ», вып. 128, Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948, стр. 99—103.

Вопросам морфологии в указанных статьях уделено значительно меньше внимания; довольно подробно они рассматриваются лишь в работах В. И. Чагишевой и В. И. Собинниковой. Кроме того, отрывочные замечания содержатся в статьях А. И. Ивановой и М. В. Кривовой.

Описание морфологии говоров представлено во всех описываемых работах в виде обзоров разрозненных диалектных явлений, наблюдаемых в разных частях речи. Подобные обзоры сопровождаются отдельными изображениями по истории явлений и изредка сопоставлением материала различных говоров.

Особенно типична в этом отношении работа В. И. Чагишевой. В ней нет ни характеристики типов склонения, ни системы форм существительных. Описание ограничивается только теми формами, которые, так сказать, бросаются в глаза. Такая тенденция характерна для многих авторов работ подобного рода, ограничивающих объем своего исследования вопросами «Программы». Впрочем В. И. Чагишева приводит при описании существительных даже меньше фактов, чем это можно было установить по достаточно полным ответам на вопросы «Программы».

Все это полностью относится и к описанию прилагательных, где автор останавливается лишь на их отдельных падежных формах. При описании числительных лишь несколько слов сказано о числительном *два* (здесь интересна форма *дв'ох д'ѣук, дв'ох д'им'ѣј*, к сожалению, не интерпретированная автором, — стр. 178). Только в разделе о местоимениях даются полные парадигмы склонения слов *я* и *ты, он — она*. Здесь правильными представляются замечания автора об отсутствии эпентетического *н* и о форме множественного числа *оны*. Точно так же полно даются формы указательных местоимений и местоимений *ихний* и *јејная* (стр. 180). Но данные о глаголе опять-таки имеют отрывочный характер: несколько слов сказано о глаголах с основой на переднеязычные и заднеязычные, о формах 3-го лица с окончанием *т'* и без *т*, о возвратных глаголах с *ся* и *си*, о формах повелительного наклонения, инфинитиве и о спряжении некоторых отдельных глаголов.

Совсем схематичны сведения о морфологии в работе М. В. Кривовой, где указаны лишь некоторые морфологические явления одного из трех описанных автором говоров.

Таким образом, при описании морфологии говоров не дается даже подробного и исчерпывающего описания форм изменения различных слов, не говоря уже об отсутствии попыток выявить морфологическую систему. В связи с этим рецензируемые работы чаще всего не дают представления об истинных соотношениях между различными диалектами и литературным языком, а также и об общих закономерностях развития диалектов русского языка.

Авторы рецензируемых работ не останавливаются и на вопросе о том, какой характер в целом имеют морфологические различия русского языка. Нередко, отмечая ряд диалектных особенностей и в то же время говоря об общности морфологической структуры изучаемого говора со структурой литературного языка (ср., например, статью В. И. Собинниковой), они не пытаются доказать эту общность, в связи с чем соответствующие положения остаются общей фразой. Доказать же их можно было бы лишь в том случае, если бы удалось выявить х а р а к т е р диалектных различий в области морфологии. Большинство описываемых диалектных особенностей (ср. формы родительного падежа единственного числа женского рода на *-а* с окончанием *-е*, предложного падежа мужского и среднего рода на *-у*, родительного падежа множественного числа на *-ов*, родительного падежа прилагательных на *-ого*, родительного-винительного падежа местоимений на *-е*, формы на *-т* и без окончания в 3-м лице глаголов и т. п.) таково, что их наличие не затрагивает существа морфологической системы говоров, а касается лишь звукового оформления общих для всего русского языка грамматических категорий, состав же самих категорий остается общим для всего русского языка. Более редкими являются такие диалектные особенности, как утрата среднего рода и разрушение особого склонения слов среднего рода на *-мя*: здесь действительно можно говорить о том, что диалектными различиями затрагивается сама морфологическая структура, так как в говоре оказываются утраченными те грамматические категории, которые есть в литературном языке и в иных диалектах. Однако эти факты, как известно, не связаны с последовательно развивающимися явлениями: развитие диалектных различий в целом резко заторможено под все возрастающим воздействием литературного языка.

•

Таковы положительные стороны рецензируемых работ и таковы их основные недостатки, проявившиеся при описании фонетического и морфологического строя русских народных говоров. Преодоление этих недостатков, улучшение качества научного описания, углубление обобщений и более последовательная систематизация наблюдаемых фактов являются условиями успешного развития диалектологической науки в нашей стране.

Вал. Вас. Иванов